

Амбивалентность героя в контексте изучения социального благополучия, или Поиски героического в новой социально-медийной реальности*

ALLISON S. T. (ED.). (2018). HEROES AND VILLAINS OF THE MILLENNIAL GENERATION. RICHMOND: PALSGROVE. 247 P. ISBN 978-0998344010

EFTHIMIOU O., ALLISON S. T., FRANCO Z. E. (EDS.). (2018). HEROISM AND WELLBEING IN THE 21ST CENTURY: APPLIED AND EMERGING PERSPECTIVES. L.: ROUTLEDGE. 272 P. ISBN 978-1-138-22201-4

Мария Субботина

Аспирантка кафедры социологии, Российский университет дружбы народов
Адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация 117198
E-mail: mariya.subbotina.1995@mail.ru

Еще в 1949 году Джозеф Кемпбелл выпустил книгу с интригующим названием «Тысячеликий герой»¹, где показал, как на протяжении всей человеческой истории «герой» неоднократно менял свои «лица» — солдат на поле боя, авантюрист-первооткрыватель, мученик за веру и т. д. Сегодня, в XXI веке, ученые прилагают немало усилий, чтобы выяснить, какое из тысячи возможных «лиц» примеряет «герой» в наши дни, чему учит современные поколения и может ли обычный человек обрести качества героя и повлиять на социальное благополучие. Причем практически ни одна работа о героизме не обходится без упоминания книги Кемпбелла, а именно его концепции «путешествия героя», в ходе которого «персонаж» сначала соглашается на приключения под влиянием внешних обстоятельств и встречает наставника, затем сталкивается с врагами, обретает союзников и с разной степенью успешности проходит испытания, благодаря чему преодолевает кризис самоидентификации² и возвращается в привычный мир, изменяя его к лучшему благодаря полученным в ходе путешествия знаниям. И сегодня эта изначально мифологическая модель «героизации» лежит в основе медийного конструирования «героев»³, однако проблема в том, что к большинству современных известных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 2001100307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

1. Кемпбелл Д. (1997). Тысячеликий герой. М.: Ваклер, Рефл-бук, АСТ.

2. Юнг К. Г. (2010). Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-Центр.

3. См., например: Троцук И. В., Субботина М. В. (2018). Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Коммуникология. Т. 6. № 4. С. 140–158; Салахиева-Талал Т. (2019). Психология в кино: создание героев и историй. М.: Альпина нон-фикшн.

людей очень плохо подходит само слово «герой» в его стереотипно-позитивной трактовке.

Несмотря на то что существует множество концептуальных трактовок героизма, мы имеем удивительно мало социологических исследований, призванных прояснить данный феномен на теоретическом и эмпирическом уровнях. Это тем более странно, что героизм — очевидно мультидисциплинарное понятие, интересующее представителей самых разных дисциплин — философов, культурологов, психологов и др., а также не сходящее со страниц художественной литературы. Многие исследователи считали героизм фундаментальным элементом культурно-исторического развития (вплоть до космологической эволюции⁴), сочетающим в себе понятия судьбы и трагедии⁵, рассматривали исторические типы героизма, в частности, характеристики героя в мифах⁶ и эпосе — гомеровском, средневековом, национальном и др., фокусировали внимание на различных аспектах героизма⁷ — эстетическом, лингвистическом (включая понятия «подвиг» и «альтруизм») и т. д.⁸.

Героизм обычно рассматривается как редкая вершина человеческого поведения, а потому особое внимание к героическим поступкам неизбежно: героический статус считается призрачной возможностью для избранных — обладающих исключительными способностями или поразительно удачливых⁹. Иногда кажется, что «героизм» — предельно простое понятие, исчерпывающееся действиями в интересах общества вопреки личному риску, однако за мнимой простотой скрывается ряд взаимосвязанных парадоксов, которые делают героизм одним из сложнейших для изучения видов человеческого поведения. Кроме того, именно противоречивая природа героизма, видимо, определяет его интригующий характер: с одной стороны, героизм — это социальная атрибуция, с другой, героический поступок — личный выбор. Обе стороны героизма детерминированы исторически, социокультурно и ситуативно: действие, которое считается героическим в одной группе, может отвергаться другой как неприемлемое и отвратительное; герои одной эпохи могут оказаться злодеями в другое время, даже если речь не идет о появлении новых фактов.

Социология заимствовала многие концепции и методики из психологии, и в изучении героизма эта дисциплина вновь предоставляет нам массу данных, особенно принимая во внимание, что героизм неизбежно сочетает в себе соци-

4. См., например: Рерих Е. И., Рерих Н. К., Асеев А. М. (1996). Оккультизм и Йога: летопись сотрудничества. М.: Изд-во «Сфера».

5. См., например: Сапронов П. А. (2005). Феномен героизма. СПб.: Гуманитарная академия.

6. См., например: Юнг К. Г. (1998). Воспоминания, сновидения, размышления. М.: АСТ, Инициатива.

7. См., например: Мовчан В. С. (1986). Героическое в системе эстетических категорий. Львов: Изд-во при Львовском государственном университете.

8. См., например: Соколова Б. Ю. (2011). Культурологическая сущность феномена героизма. Автореф. дисс. к. культурологии. Харьков: Харьковская государственная академия культуры.

9. Franco Z., Blau K., Zimbardo P. (2011). Heroism: A Conceptual Analysis and Differentiation between Heroic Action and Altruism // Review of General Psychology. Vol. 15. № 2. P. 99–113.

альное и личное. Причем психологи, как правило, рассматривают героизм скорее в первом контексте — с точки зрения гражданского мужества, радикального альтруизма, моральной стойкости и т. п., говоря и о героях, сталкивающихся со смертельным риском, и о «культурных героях»¹⁰ в рамках общей идеи героического действия¹¹.

В рецензии будут представлены две книги, вышедшие под редакцией профессора психологии Скотта Эллисона, который занимается изучением героизма прежде всего как повседневного феномена, т. е. его интересуют возможности обучения героизму любого человека. Такой акцент требует уточнения «классификации» героев, и наиболее интересную с социологической точки зрения предложили также психологи — З. Франко, К. Блау и Ф. Зимбардо. Они считают, что большинство людей способны на героические поступки при правильном размышлении и наличии определенных условий, требующих героического действия¹². Несмотря на то что существуют очевидные различия между всевозможными формами храбрости/мужества и контекстами героического поступка, все виды героизма объединяет нечто общее: во-первых, каждое проявление героизма связано с уровнем опасности, который серьезно превышает границы ожидаемого; во-вторых, все виды героизма предполагают готовность попасть в опасную ситуацию; в-третьих, актер всегда преодолевает серьезный страх и действует решительно¹³.

Соответственно, авторы различают три формы героического действия — военную, гражданскую и социальную¹⁴: условно «военные герои» рискуют жизнью и здоровьем по долгу службы (полицейские, пожарные, спасатели); гражданские герои рискуют жизнью по личным убеждениям, а не по долгу службы; социальные герои не подвергают свою жизнь непосредственной физической угрозе, речь идет об иных личных жертвах (серьезные финансовые последствия принятого решения, утрата социального статуса, долговременные проблемы со здоровьем, общественное порицание)¹⁵. Наибольший интерес у современных исследователей вызывают два последних типа героизма — когда героические поступки не связаны с должностными обязанностями, а совершаются по личному убеждению. Преимущественно именно такой формат героизма находится в центре внимания двух рецензируемых книг, хотя следует сразу предупредить их потенциального читателя, что, несмотря на многообещающие названия, он не сможет обнаружить в них

10. Eagly A., Becker S. (2005). Comparing the Heroism of Women and Men // *American Psychologist*. Vol. 60. № 4. P. 343–344.

11. Greitemeyer T., Osswald S., Fischer P., Frey D. (2007). Civil Courage: Implicit Theories, Related Concepts, and Measurement // *Journal of Positive Psychology*. Vol. 2. № 2. P. 115–119.

12. Zimbardo P. G. (2007). *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. N.Y.: Random House.

13. Franco Z., Zimbardo P. (2006). *Celebrating Heroism and Understanding Heroic Behavior*. Unpublished manuscript. Department of Clinical Psychology, Pacific Graduate School of Psychology, Palo Alto.

14. Franco, Blau, Zimbardo. Op. cit.

15. См., например: Glazer M.P., Glazer P. M. (1999). On the Trail of Courageous Behavior // *Sociological Inquiry*. Vol. 69. № 2. P. 276–295; Shepela S. T., Cook J., Horlitz E., Leal R., Luciano S., Lutfy E., Warden E. (1999). Courageous Resistance: A Special Case of Altruism // *Theory & Psychology*. Vol. 9. № 6. P. 787–805.

четких ответов на вопросы о том, каково современное определение героизма, кого именно сегодня мы считаем героями и какие события или поступки способны однозначно перевести человека в «статус» героя с большей или меньшей степенью уверенности в правильности подобной номинации.

Итак, первая работа «Heroism and Wellbeing in the 21st Century: Applied and Emerging Perspectives» («Героизм и благополучие в XXI веке: практические и новые возможности») имеет весьма вдохновляющий характер, поскольку ее центральная идея состоит в том, что героизм — социально полезное явление, требующее изучения и развития ради благополучия людей во всех сферах жизни. Книга представляет собой сборник статей ряда авторов, что объясняет ее некоторую рассогласованность (у читателя не могут не возникнуть вопросы относительно разнесения некоторых глав по тематическим разделам), однако в целом в книге четко прослеживается общая концепция «повседневного героизма» и идея всеобщего героического воспитания.

Сборник начинается с введения, выстроенного вокруг высказывания Стивена Хокинга о том, что, несмотря на впечатляющее технологическое развитие нашего общества, мы сохранили те эгоистичные и агрессивные поведенческие привычки, которые в прошлом были основой нашего выживания, а сейчас, напротив, способны привести общество к краху (уже в ближайшие сто лет). Метафорическое высказывание Хокинга об агрессивных инстинктах человечества заставляет авторов книги задуматься о том, способны ли мы преодолеть свое «примитивное программирование» посредством осознанной работы над собой и воспитания героических качеств в самих себе и в будущих поколениях.

Книга состоит из четырех разделов — названия, последовательность и содержание которых мало согласуются с как бы обещанным в названии книги прояснением того, насколько в нынешнюю эпоху героизм способствует социальному благополучию. Так, в первом разделе «Исторический контекст» авторы рассматривают концепции, описывающие, как героизм социально конструировался в разные исторические периоды и, соответственно, как социальная среда влияет на наши представления о героическом. Например, Грэм Стил обозначает термином «амбивалентность» противоречивость натуры героя (впрочем, непонятно, почему амбивалентность — сугубо героическая характеристика, а не общее качество человеческого характера): он не должен быть однозначно положительным персонажем, которому все удается и чьи решения неизменно оказываются верными, потому что амбивалентность делает героя привлекательным — своим несовершенством он похож на обычных людей (в качестве примера приведен Гильгамеш — он не идеален, изначально считался злодеем и стал героем постепенно, пройдя различные испытания и победив врагов). Но с автором действительно соглашаешься в том, что практически во всех культурах можно обнаружить очень похожих героев, которые сталкиваются со схожими трудностями и испытаниями, т. е. совершают «путешествие героя», и это стало особенно заметно в эпоху колонизаций, когда

европейцы узнали культуры Нового Света и обнаружили множество параллелей в мифах и легендах разных культур, где действуют схожие герои.

Российскому читателю будет близок и концептуальный контекст рассуждений Сила: он ссылается на исследования Владимира Проппа, который, проанализировав огромное количество сказок, выделил в них 31 функцию героя¹⁶ и показал, что герой, пройдя свой путь, обретает либо то, что было ранее утрачено, либо что-то новое, т. е. цель героя — ликвидировать недостаток (любви, денег или власти). Также Стил упоминает «мономиф» Джозефа Кемпбелла — его идею, что герои разных культур — лишь вариации базовой нарративной структуры: они проходят примерно одинаковый путь, который включает в себя выход из привычной среды, столкновение со злом или испытаниями, обретение нового знания или какой-то ценности и, наконец, возвращение обратно в свою среду, чтобы изменить ее к лучшему благодаря новым знаниям. Мономиф Кемпбелла интересен тем, что утверждает схожесть реакций человека на какое-то явление, независимо от конкретных различий социокультурного и экономического контекста, т. е. фигура героя выступает некоторой культурной универсалией.

Дальнейшие рассуждения Стила весьма тривиальны в том смысле, что сегодня не только исследователи, но и общественное мнение предпочитают трактовать героизм как аспект повседневной жизни, считая, что любой человек может стать героем, признавая в то же время и двойственную природу героизма: героизм может быть как благом в интересах человечества, так и опасным неуместным поведением, связанным с неоправданным риском (в русском языке есть эмоционально-негативно коннотированное звучание слова «герой», когда речь идет, например, об опасных увлечениях подростков, прыгающих на крыши поездов в метро, цепляющихся за последние вагоны электричек и т. д.). И здесь начинается определенная путаница в рассуждениях автора, который, признавая амбивалентность героизма, не отмечает, что противоречия и девиантность — черты героя, если он успешно преодолел неудачу, которая делает героя похожим на обычных людей и вызывает к нему интерес и эмпатию. С другой стороны, автор совершенно правильно подчеркивает характерную для нашей эпохи черту героизма — противоречие как неспособность героя быть одинаково положительным для всех (конечно, классический пример — Робин Гуд, персонаж средневековых английских баллад, который грабил богатых и отдавал награбленное бедным, но современные блогеры — более показательное проявление избирательного признания их «героизма»). В этом смысле девиантность героизма вряд ли соответствует авторской ее трактовке как исключительно положительной девиации, т. е. позитивного отклонения от принятых норм. Впрочем, Стил неоднократно подчеркивает, что герои зачастую колеблются между тем, что разрешено, и тем, что запрещено, нередко люди становятся героями, нарушая запреты (пример — героиня фильма «Гусарская баллада», которая, нарушив все правила, переделалась в мужчину и стала гусаром, совершив

16. См.: Пропп В. Я. (2001). Морфология волшебной сказки. Л.: Лабиринт.

на войне множество подвигов), и подобные колебания делают глобального воображаемого героя своеобразным моральным ориентиром человеческой истории, а также движущей силой социального развития и фактором социального благополучия. К сожалению, автор противоречит себе, не уточняя, чьего именно социального благополучия и какого вектора социального развития.

Собственно вся книга пронизана подобными противоречиями: с одной стороны, с ее авторами неизменно соглашаешься в концептуальных построениях, но, с другой стороны, очевидно, что они упускают из виду массу нюансов и особенностей реального повседневного конструирования и, что даже важнее, восприятия героизма. Скажем, Сара Бут и Лучиано Павез, признавая, что историю пишут победители, предлагают взглянуть на исторические события с позиции проигравших и приводят в качестве примера первого губернатора Западной Австралии Джеймса Стирлинга — ключевую фигуру в истории колонизации Австралии Великобританией. Современная литература описывает Стирлинга как героя, принесшего цивилизацию в Австралию, «забывая» о том, сколько местных жителей погибло в борьбе с колонизаторами, вторгшимися на их земли. Кроме того, по мнению авторов, история Стирлинга — яркая иллюстрация того, что современные политики в принципе склонны конструировать и поддерживать миф о мирном урегулировании конфликтов.

Действительно, согласно упоминавшейся выше классификации героев в ее расширенной версии (военные герои и герои по долгу службы; гражданские герои; религиозные деятели; политико-религиозные деятели; мученики; политические или военные лидеры; авантюристы/первооткрыватели; герои науки (совершающие открытия); добрые самаритяне; преодолевшие жизненные трудности; бюрократические герои; информаторы)¹⁷, Стирлинг — представитель трех типов: политический/военный лидер (обычно возглавляет нацию или группу в трудный период — войны или катастрофы; служит объединению нации, обеспечивает общее видение проблемы и воплощает качества, которые считаются необходимыми для выживания группы); авантюрист/первооткрыватель; преодолевший жизненные трудности (преуспел, несмотря на сложные условия, став социальным и моральным ориентиром).

Однако он по определению не мог быть героем для всего австралийского общества, так как воплощал в себе лишь ценности завоевателей, а у коренных жителей Австралии был свой герой — Яган, лидер сопротивления, который боролся с британской интервенцией за суверенитет коренных народов Австралии. Однако в современных статьях его называют террористом, который пытался сорвать благую миссию европейцев по спасению австралийских земель и коренных жителей от голода и всевозможных бедствий. Иными словами, в истории Австралии сосуществуют два противопоставленных друг другу героя, которые отражают ценности разных групп, тогда как считается, что для единства государства и общества не-

17. Franco, Blau, Zimbardo. Op. cit.

обходим один герой, символ страны, через ассоциации с которым жители страны испытывают чувства единения и патриотизма. Подобные уточнения, безусловно, важны, но у читателя не может не возникнуть масса вопросов, остающихся без ответа: неужели австралийское общество столь расколото, что продолжает жить с двумя столь разными трактовками героизма в своей истории? как именно в таком случае понятие героизма способствует социальному благополучию и кого именно? насколько подобная амбивалентность героев в принципе характерна для массового сознания и работает ли она лишь применительно к прошлому? и т. п.

Не проясняет ситуацию и обращение к более «узким» типам героизма. Например, Маргарет Уорбертон рассматривает военный героизм как преодоление своих страхов ради выполнения воинского долга, причем на войне риторика героизма превращается в инструмент выживания — проявления героизма становятся повседневностью. Однако ее больше интересуют «гражданский» и «социальный героизм» в годы войны: гражданский героизм отличается от военного тем, что люди, рискуя собой ради других, идут на это по своей воле, а не под давлением профессионального долга; социальный героизм — это стремление и в годы войны поддерживать «нормальную» жизнь (были созданы общественные организации для помощи ушедшим на войну и их родным, нуждающимся в психологической поддержке), благодаря чему героизм и альтруизм становятся частью повседневного нормального поведения. Сюда же автор вносит «гендерный» аспект героизации, отмечая, что женщины проявляли социальный героизм, выполняя в тылу не только свою привычную работу, но и работу мужчин, ушедших на фронт. Рассмотрение столь разных «измерений» героизма мало что проясняет в трактовке самого феномена, тем более что автор делает совершенно очевидный вывод, что в условиях войны люди могут мобилизоваться для помощи друг другу, что позволяет им выжить и сохранить общество, и задается вопросом, можно ли добиться таких же результатов в спокойное время, без внешней угрозы (наверное, можно, где-то получается, где-то нет, в военное время тоже не все и не всегда так однозначно).

Если первый раздел книги представляет собой некий обзор исторических проявлений героизма, то второй раздел посвящен современному героизму, особенно его «обучению и воспитанию». Представленные здесь авторы рассуждают, можно ли развить героические качества и научить героизму, чтобы обеспечить общественное благополучие во всех его проявлениях (духовных и физических, экологических и трудовых и т. п.), как конструируется героизм и какие нарративы о нем доминируют (кстати, по настрою и форме рассуждений этот раздел несколько напоминает российские дискуссии о том, можно и нужно ли учить людей патриотизму). Если главы первого раздела затрагивали совершенно разные аспекты героизма и практически не были связаны тематически, то второй раздел обладает большей целостностью и объединен стремлением разработать своеобразную программу героического воспитания современного человека, что, честно говоря, сразу вызывает серьезные сомнения и настраивает на скептический лад (как можно

обучить человека тому, что является социальным конструктом, а в современную эпоху еще и конструктом с неоднозначным оценочным содержанием).

Фактически второй раздел книги предлагает читателю описание разных подходов к героическому воспитанию, основанных на «путешествии героя» Кемпбелла. Так, Джоанна Пэскоу считает, что можно преобразовать школьную программу, чтобы воспитывать из детей героев по этой модели: рассказы о героизме должны играть роль руководства для учащихся, чтобы наметить их собственный жизненный путь, а учителя должны стать их «наставниками», воплощая этот архетип или творчески изображая «обманщика», чтобы «бросить вызов» ученикам в их «героическом путешествии» в поисках своих сильных сторон. По мнению автора, школьная среда предполагает пребывание учеников в комфорте и безопасности (очень спорное утверждение о современной школьной системе), поэтому учителя поощряют пассивность и прилежность, которые не способствуют развитию героических качеств, а нужно развивать творческие способности школьников, эмпатию и чувство сострадания, используя проективные методики для выявления и развития сильных и творческих качеств учеников («путешествие героя» — стратегия обучения, которая поощряет творческий отклик)¹⁸: находить неожиданные способы решить проблему, рисковать там, где другие боятся, иметь смелость бросить вызов толпе и отстаивать собственные убеждения, преодолевать препятствия, когда другие отступают. Для этого учителя должны знакомить учеников с литературными произведениями о героях, предлагая детям ставить себя на место главного персонажа и отвечать на вопрос, как бы они поступили в аналогичной ситуации и что бы чувствовали на месте героя и тех, кому он стремится помочь. (Учитывая содержательные акценты первого раздела книги об амбивалентности героя и его героизме не для всех, возникает серьезный вопрос о том, кто и по каким критериям будет отбирать эти литературные произведения и как именно интерпретировать поступки их персонажей, — здесь достаточно вспомнить бурные российские дискуссии о списках обязательной литературы для школьного обучения.)

Несколько более убедительный формат «обучения героизму» предлагает Клайв Уильямс, используя метафору «путешествие героя» для вывода взрослых людей из состояния депрессии. Нет смысла описывать здесь применяемые автором психологические методы, отметим лишь, что его подход базируется на идее, что «путешествие героя» — инструмент, помогающий человеку обрести образ жизни, соответствующий его ценностям и интересам, что укрепляет его социальные связи и порождает иное осознание «себя» (психическое здоровье и устойчивость, счастье и удовлетворенность жизнью как критерии личного благополучия). Вероятно, кэмпбелловское «путешествие героя» как вариант метода экстернализации может помочь преодолеть неверие в собственные силы и преодолеть свои проблемы. По сути, героизм позиционируется во втором разделе не только как социально

18. Sternberg R. J. (2010). What is Creativity? // *Beghetto R. B., Kaufman J. C. (eds.). Nurturing Creativity in the Classroom*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 394–414.

важное явление, которое задает моральные ориентиры общества, но и личностно нагруженный феномен, необходимый для полноценной жизни.

Однако, как только читатель делает этот вполне жизнеутверждающий для себя вывод, эта шаткая конструкция рушится, потому что Крис Комерфорд реконструирует утопический мир франшизы «Стартрек», отмечая, что, если мы хотим построить справедливое общество, нужно избегать искажений истины и стремиться сделать всю информацию общедоступной, и, рассматривая героизм как акт личного выбора правды, видит воплощение этой идеальной модели общества с высокими моральными требованиями (правды) в деятельности Эдварда Сноудена, рассекретившего информацию о тотальной слежке американских спецслужб за коммуникациями граждан всего мира. В указанной ранее классификации Сноуден выступает как социальный герой — «информатор»: он знает о незаконной/неэтичной деятельности своей организации и сообщает о ней публично, чтобы изменить ситуацию, а не ради вознаграждения (кроме того, Сноуден — яркий пример амбивалентности героя, что обусловило обращение к его «героизму» и второй рецензируемой книги), однако его «образ» в общественном сознании крайне неоднозначен, а попытки показать его как пример реализации идеалов (!) кино вселенной «Стартрека» окончательно сбивают читателя с толку, потому что лишают какой-либо опоры в понимании слова «герой».

Оставшиеся разделы книги ситуацию не исправляют и не меняют. Скажем, формально третий раздел посвящен профессиональной деятельности человека как влияющей на наше мировоззрение, в том числе с точки зрения героизации. Однако Лейла Аль-Хамид рассматривает «приглашение в мафию» как инструмент обмана в бизнес-стратегиях: компании стремятся закрепиться и доминировать в своем сегменте рынка, подчеркивая свои якобы уникальные качества, отличающие их от конкурентов, и используя для этого «искаженные инструменты» — недостоверную информацию, позволяющую создать «героический образ» организации и улучшить ее репутацию («притворный героизм») в целях достижения коммерческого успеха (в качестве примера рассматривается поддельный «экологически чистый» имидж компании Volkswagen). Когда компания создает себе героический образ, то и ее клиенты, пользуясь ее услугами, как бы пытаются «приобщиться к героическому» — это подтверждение теории Жана Бодрийера о симулякрах, поскольку компании лишь демонстрируют симулякр героизма, за которым нет реального героического поведения. Иными словами, героизм как социально одобряемая модель поведения используется в рекламных целях для конструирования квазигероического образа коммерческого продукта (но тогда получается, что это лжегероизм, а читатель уже запутался даже в героизме).

От мафии этот раздел переходит к «юристам-героям»: Ник Джеймс и Франсина Кантаторе считают понятие героизма применимым к юристам, поскольку они играют важную роль в содействии личному благополучию своих клиентов и коллективному благополучию общества, а значит, юридические школы обязаны прививать студентам приверженность к поиску благополучия для других, определяя

конкретные добродетели для развития в рамках учебной программы и внедряя модель обучения, подчеркивающую роль юристов в достижении социального благополучия. Это явно слишком идеалистическая трактовка и юридического образования, и юридической деятельности, хотя авторы совершенно справедливо считают героизм элементом «повседневного этического поведения» (справедливое распределение ресурсов, солидарность и пацифизм). Однако, казалось бы, получившего убедительное определение героизма читателя вновь ждет разочарование, потому что в перспективе авторы сводят героизм к автоматизированной «социальной эвристике»¹⁹: мы все — потенциальные герои, способные в определенный момент жизни совершить героический поступок (но разве тогда он не становится нормой социального реагирования?). Вполне предсказуемо инструментом подобной автоматизации авторы считают преподавание науки о героизме, в первую очередь в рамках юридической подготовки (видимо, затем и повсеместно), чтобы воспитывать (!) высокоморальных, вдохновленных на защиту истины юристов, обладающих героическими добродетелями (заботливость, харизма, умение вдохновлять, надежность, жизнерадостность, бескорыстие, ум и сила/смелость²⁰), необходимыми для альтруизма, сочувствия, самоотверженности, стойкости, надежности, верности и доброты.

И, наконец, заключительный раздел книги посвящен героизму как инструменту преодоления кризисов и перестройки сообществ, хотя подобные его практические функции из предыдущих разделов не следуют, учитывая как отсутствие однозначных концептуальных определений героизма, так и всячески подчеркиваемую необходимость обучать ему детей и взрослых. Фактически данный раздел состоит просто из описаний реальных примеров героического поведения — как воплощенных конкретными людьми в сложнейших жизненных обстоятельствах, так и потенциально способных помочь преодолеть таковые в будущем (например, экономический кризис). Так, Стефани Фейгин-Джонс пытается ответить на вопрос, какую выгоду получает герой, рискующий собой ради других: в период Холокоста находились люди, чьи альтруистические порывы оказывались сильнее страха, и они помогали другим даже ценой собственной жизни и подвергая опасности свою семью, но, рискуя собой ради выживания других и действуя героически, люди получали внутренне намного больше, чем те, кому они стремились помочь. Эмма Бакли и Крейг Терли показывают, как коренные народы Австралии смогли, с одной стороны, доказать свою самобытность, а с другой, по-настоящему почувствовать себя частью своего государства, проявив спортивный «коллективный героизм» в условиях дискриминации. Томас Фойгт, Эндрю Дэй и Сьюзен Баландин подчеркивают, что героизм может способствовать позитивным изменени-

19. Kraft-Todd G. T., Rand D. G. (2017). Adaptive Foundations of Heroism: Social Heuristics Push Advantageous Everyday Ethical Behavior to Heroic Extremes // Allison S. T., Goethals G. R., Kramer R. M. (eds.). Handbook of Heroism and Heroic Leadership. L.: Routledge. P. 58–73.

20. Allison S. T., Goethals G. R., Kramer R. M. (2017). Setting the Scene: The Rise and Coalescence of Heroism Science // Allison S. T., Goethals G. R., Kramer R. M. (eds.). Handbook of Heroism and Heroic Leadership. L.: Routledge. P. 1–16.

ям, но его негативные последствия (посттравматический синдром) для храбрецов недостаточно изучены, поэтому, видимо, следует обучать не только героизму, но и преодолению его травматических последствий для героя. Перечисление содержательных акцентов заключительного раздела книги явно свидетельствует о том, что заявленная ее авторами как самостоятельная дисциплина «наука о героизме» вряд ли находится на той стадии, когда следует переходить к практическому применению ее методик и концепций, и все еще представляет собой аморфный метафорический конструкт с разрозненным содержанием (набор противоречивых кейсов).

Безусловно, книга предлагает читателю много интересных методик и концепций изучения героизма, но собранные материалы слишком разрозненны и не позволяют убедительно ответить на вопрос, действительно ли героическое воспитание необходимо, чтобы достичь благополучия во всех сферах нашей жизни, а если да, то как именно следует воспитывать из людей героев, учитывая, что даже многие более очевидные вопросы, освещенные в книге, требуют дальнейшего изучения и не столь однозначны, как считают авторы соответствующих глав (например, влияние отношения к национальному герою на патриотизм, национальную идентичность и солидарность, особенно если таких героев несколько и они воплощают ценности разных групп, и т. д.). Ряд авторов книги считает, что достичь всеобщего благополучия можно в мирное время, если у людей будет «правильный настрой» и «правильное героическое воспитание», но эти идеи слишком утопичны: с одной стороны, они не учитывают неизбежные недостатки и несовершенства человека, а с другой стороны, исключают возможность постоянного желания помогать другим и работать на благо всего общества и без «героического воспитания».

Впрочем, книга правильно постулирует амбивалентность героизма, которая исследуется на теоретическом и эмпирическом уровне во второй рецензируемой работе — «Heroes and Villains of the Millennial Generation» («Герои и злодеи поколения миллениалов»). Это также сборник статей под редакцией Скотта Эллисона, предваряемый введением с результатами онлайн-опроса 202-х представителей поколения Y («миллениалов»), рожденных с 1980 по 2000 год в США (социологически подготовленного читателя подобный задел не может не поразить — выборка слишком мала и не репрезентативна как по количественным характеристикам, так и по качественным: «миллениал» — скорее метафорически удобное понятие, чем обозначение реальной социально-демографической группы или когорты). Участникам опроса было предложено выбрать качества, которыми должен обладать герой: умный (56%), вдохновляющий (52%), сильный (50%), харизматичный (42%), самоотверженный (33%), жизнерадостный (39%), заботливый (23%) и надежный (16%). Также респондентам было предложено назвать персонажей, которых они считают героями и злодеями, и, к удивлению исследователей (что странно звучит в условиях современной массовой медийной культуры), 11 персонажей попали в обе категории, вследствие чего книга и посвящена детальному разбору каждого

из них, или поискам ответа на вопрос, почему один и тот же человек может быть героем для одних и злодеем для других.

Впрочем, сама постановка вопроса вызывает удивление, учитывая мозаичность общества постмодерна, где нарративы вытесняют достаточно универсальные метанарративы²¹, а потому понятие героизма, за исключением однозначных его проявлений типа спасения чьей-то жизни в экстремальной ситуации, не может быть общепринятой и единственно верной. Кроме того, когда речь идет об опросах общественного мнения, люди уверенно дают ответы на вопросы даже в тех случаях, когда не вполне понимают, о чем идет речь (скажем, трактовок счастья множество, но респонденты легко квалифицируют себя в категориях счастливости-несчастливости). Очевидно, что респонденты вкладывают разный смысл в понятие «герой», в итоге, как правило, у нас есть модальные распределения «героев» и/или их качеств/атрибутов, но не причин или критериев отнесения представителей определенных профессий, конкретных исторических лиц, политических деятелей и т. д. к героям. К сожалению, эти особенности любых опросов по неоднозначно коннотированным тематикам авторы не оговаривают.

Итак, в книге пять разделов, в каждом из которых авторы разбирают несколько персонажей: первый раздел посвящен медийным личностям (например, американский рэпер Канье Уэст и его жена Ким Кардашьян); второй — вымышленным героям типа Бэтмена и Северуса Снейпа; третий — «героизму и злодеяниям» учителей и родителей; четвертый — политикам Дональду Трампу и Хиллари Клинтон; пятый — «социальным подвижникам» типа Марка Цукерберга, Матери Терезы и Эдварда Сноудена. Безусловно, подбор персонажей, валидность инструментария и репрезентативность выборки в данном исследовании весьма сомнительны, но заслуживает внимания сама попытка описать и систематизировать типы героев на основе социальных представлений и противоречивых стереотипизаций.

Поскольку распределение героев по разделам является не классификацией, а скорее условным разбросом по тематическим рубрикам, а нас интересуют не сами представленные персонажи, а стоящие за их описанием концептуальные модели, то, реконструируя содержание книги, имеет смысл опираться на упомянутую ранее классификацию героев Франко, Блау и Зимбардо. Так, Мэтью Вандини рассматривает три трансформации героя в ходе его «путешествия» — его установок, самого себя и общества, которые обычно происходят именно в такой последовательности и создают «истинного героя», ставящего коллективные интересы выше личных. Однако иллюстрация этого «путешествия» может шокировать читателя, потому что в качестве героя выступает Канье Уэст, превратившийся из простого ребенка из среднего класса в одну из мировых икон хип-хопа. Безусловно, у него был «наставник» — мать Донда Уэст, которая считала необходимым заниматься благотворительностью и привила эту идею сыну. Подобный «социальный геро-

21. См., например: *Троцук И.* (2014). Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик // Социологическое обозрение. Т. 13. № 2. С. 206–224.

изм» без жертв и риска, или «целенаправленный героизм», проявился в активной борьбе за права темнокожих, однако даже не самый разбирающийся в хип-хоп культуре российский читатель знает Канье даже не столько как звезду хип-хопа, сколько как неоднозначного медийного персонажа, известного своими странными поступками и психологическими проблемами.

Возможно, американцы действительно воспринимают Канье как человека, меняющего отношение общества к проблемам афроамериканцев, но его борьба за права этой группы сочетается с радикальным сексизмом в текстах песен и регулярными выпадами в адрес коллег и близких друзей. Автор главы объясняет негативные поступки Канье психическим расстройством после трагической смерти матери, однако вряд ли можно считать это событие оправданием столь избирательного «героизма», и у читателя не может не возникнуть совершенно закономерный вопрос: при чем тут вообще героизм? Перед нами феноменально богатый человек, позволяющий себе намного больше, чем обычные люди, и в позитивном, и в негативном смысле, но называть его героем можно лишь исключительно в литературоведческом смысле — как героя публикаций средств массовой информации.

Аналогичный вопрос преследует читателя на протяжении практически всей книги, потому что ее герои заслуживают подобного «статуса» исключительно с точки зрения фокусировки на них определенных медийных материалов. Так, Кана Ролетт позиционирует как «королеву искупления», прошедшую путь от «жертвы дискредитирующего видео до женского кумира», жену Канье Уэста Ким Кардашьян — звезду ток-шоу и актрису (?!). В качестве обоснования приводится концепция «путешествия», на протяжении которого Ким якобы прошла пять трансформаций — моральную, эмоциональную, ментальную, психическую и духовную — на пути к принятию себя. Безусловно, Ким, как и множество других людей, оказалась «преодолевающим трудности/неожиданным победителем», обладающим двумя из «большой восьмерки» героических черт, отмеченных Эллисоном во введении, — силой и умением вдохновлять других. Впрочем, ее феноменальные заработки зависят от успешности ее собственного ток-шоу, поэтому многие респонденты вполне справедливо подозревают ее в «благотворительности ради пиара» (по сути, в лжегероизме). Кроме того, она пропагандирует трансформацию внешности с помощью пластической хирургии, поэтому странно позиционировать Ким как положительный пример принятия себя. Можно было бы сказать, что Ким Кардашьян — показательный пример амбивалентности героя, так как практически все ее публичные действия можно трактовать и как «героизм», и как «злодейство», и в этом проявляется противоречивость понятия героизма — герой должен вдохновлять других своими поступками, но вряд ли он способен сделать это без инструментов публичности и зрелищности. Однако автор главы, видимо, путает понятия героизма и успешной рекламной «продажи себя», а читатель уже на данном этапе прочтения книги совершенно теряет уверенность в том, что вообще понимает смысл понятия «герой».

Окончательно его запутывает завершающая первый раздел глава про культового персонажа комиксов Бэтмена. Несомненно, это классический кемпбелловский герой, совершивший «путешествие» от гибели родителей к борьбе с преступностью, рискующий собой ради других по личным убеждениям, а не по долгу службы, и однозначно позитивный персонаж в том смысле, что его внутренние сомнения и колебания не лишают его поступков и жизненного выбора пафоса социального служения (это прекрасно показано в кинотрилогии Кристофера Нолана). Однако автор главы полагает, что Бэтмен — «злодей», потому что отказывается убивать своих врагов: прикрываясь идеей гуманизма, он сохраняет жизнь своим антагонистам, нанося им тяжелые увечья, вследствие чего они убивают еще больше людей, чтобы отомстить Бэтмену. Это очень странная трактовка весьма схематичного (по определению, как возникшего в комиксах), но однозначно позитивного персонажа (герой-одиночка, противостоящий силам зла), потому что нельзя упрекать героя в том, что он отказывается от убийств как «метода» преступников. В этом смысле, конечно, бессмысленно рассматривать Бэтмена как амбивалентного героя и тем более как классического злодея, потому что у него нет негативных мотивов, а считать «злодейство» побочным эффектом благих намерений, лишаящим человека «статуса» героя, недопустимо даже в иллюстративно-описательных целях.

Вероятно, эта логика работает лишь в обратную сторону: Мэдисон Лоуренс показывает, что Северус Снейп, на протяжении шести книг о Гарри Поттере выступавший его антагонистом, в последних главах заключительной части неожиданно оказывается положительным героем, который неоднократно рисковал и в итоге погиб, защищая Гарри. Но здесь опять возникает вопрос: почему необходимость притворяться «плохим» ради спасения Гарри Поттера (истинный героизм) авторы книги считают проявлением амбивалентности героя и тем более позиционируют ее как характерную черту «неоднозначного» поколения миллениалов? Почему, что имплицитно следует из описания Снейпа, герой обязательно должен быть приятным во всех отношениях человеком: авторы полагают, что Снейп стал культовой фигурой для поколения миллениалов, олицетворяющей самоотверженность и преданность, однако многие его качества неприемлемы для героя/наставника (как учитель не упускал возможности поиздеваться над учениками, не пытался сеять «доброе и вечное», был жесток и высокомерен и т. д.). Это выглядит тем более странно, что в двух заключительных главах первого раздела убедительно показано, что наставники/учителя в широком смысле слова (включая родителей) всегда несколько амбивалентны для своих учеников/детей, потому что из одних и тех же лучших побуждений могут как помочь взрослению ребенка, так и отбить у него желание учиться и взрастить в нем комплексы (кстати, извечная проблема, которую сложно связать с героизмом).

Следующий раздел книги посвящен политикам — Хиллари Клинтон и Дональду Трампу (они оказались героями-злодеями для студентов-миллениалов после президентских выборов в США), и действительно практически любого видного политика/общественного деятеля можно отнести, по крайней мере риторически,

и к героям, и к злодеям, в зависимости от целей его дискурсивной презентации. Здесь ситуация напоминает противопоставление Джеймса Стирлинга и Ягана, которые воплощали ценности разных групп населения Австралии: Клинтон и Трамп — противоречивые лидеры, заручившиеся поддержкой разных групп населения, но не всех американцев, и, несмотря на то что Трамп одержал победу, многие американцы считают его «злодеем» (такова судьба большинства политических лидеров, и опять же совершенно непонятно, почему здесь нужно обращаться к понятию героя).

Последний раздел книги представляет читателям «социальных подвижников»: Чжао Лю, используя кемпбелловскую метафору «путешествие героя», описывает, как Марк Цукерберг изменил общество социальной сетью Facebook, что, с одной стороны, делает его «героем науки», но с другой стороны, превращает в «злодея» по причине личных черт (нарциссизм, плагиат и пр.), тотальной слежки за пользователями Facebook и чрезмерного перевода значительной части жизни людей в онлайн-формат. Стефани Ха проводит анализ героического типажа Матери Терезы, чье имя сегодня является нарицательным обозначением милосердия, и показывает, что оно попало в список «злодеев» у миллениалов (хотя вряд ли только у них) за антисанитарные условия жизни людей в ее приютах (Мать Тереза считала, что страдания обогащают мир), радикально негативное отношение к абортам, излишнюю публичность и зрелищность благотворительности (Мать Тереза стала лауреатом Нобелевской премии, появлялась на обложках журналов и вращалась в политических кругах, т. е. всячески афишировала свой «героизм»). И, наконец, Арианна Гиллард реконструирует историю Эдварда Сноудена, который предал огласке данные спецслужб, доказывающие их тотальную слежку за гражданами США и других стран, но преследуется по целому ряду уголовных статей. Интересно, что в одном разделе книги оказались Эдвард Сноуден и Марк Цукерберг: первый боролся с тотальной слежкой, а второй создал для нее технические возможности, но оба оказались отнесены в оба списка — героев и злодеев, что вряд ли подчеркивает амбивалентность любого «героя», а скорее свидетельствует о непродуманном использовании понятия «герой» без прояснения его содержательного наполнения и без уточнения связанных с ним подвижных стереотипизаций и устойчивых коннотаций. Это подтверждает и то, что в каждой главе авторы ссылаются в основном на исследования героизма (множественные и разнообразные), тогда как «злодейство» просто постулируется как противоположность героизма, но его характеристики не систематизированы и, как правило, сводятся к последствиям (социально-)психологической травмы и/или неожиданным результатам героического действия (не имеют злого умысла).

В итоге практически все представленные в книге персонажи описаны по принципу «поступает хорошо — поступает плохо», но в данном ключе можно описать абсолютно любого человека, а не только популярных медийных персонажей. Кроме того, использованное в книге обоснование противоречивости этих персонажей тем, что и само поколение миллениалов противоречиво, вряд ли имеет «эксклю-

живный» характер: любому герою в человеческой истории присуща амбивалентность, потому что каждый из нас сочетает в себе положительные и отрицательные качества и совершает разные выборы в своем «путешествии», причем вряд ли это путешествие можно так уж легко реконструировать — просто отбирая удобные медийные факты из жизни известных людей (а не проводя тщательные биографические исследования или кейс-стади) и тем более персонажей комиксов и (детской) художественной литературы. Безусловно, дискурсивные/медийные механизмы конструирования образов «героев» и «злодеев» (хотя правильное, наверное, говорить о «лжегероях») схожи, поскольку современная массовая культура в принципе основана на определенном наборе дискурсов и форматов визуальности²², однако ни одна из рецензируемых книг не предоставляет читателю не только четкого и понятного определения героя, но и убедительного обоснования того, почему всех указанных реальных людей и выдуманных персонажей нужно описывать и воспринимать именно как «героев», а не как, скажем, «лидеров мнений» в трактовке Пола Лазарсфельда²³, а отклонения от некоего подразумеваемого идеала героического поведения — как «амбивалентность» или «злодейство», а не как, например, «лжегероизм», который может быть не менее успешным в формировании паттернов поведения, поскольку оба «модуса» героизма выполняют схожие функции (служат аудитории медиаотражением ее устремлений и способов их реализации) и имеют схожие черты (харизма может быть позитивно-притягательной и негативно-отталкивающей, но всегда служит инструментом самооценки потребителей медийной информации)²⁴.

Ambivalence of the Hero in the Context of the Social Well-Being Study; or, The Search for the Heroic in the New Social-Media Reality

Maria Subbotina

PhD student, Sociology Chair, RUDN University

Address: Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation 117198

E-mail: mariya.subbotina.1995@mail.ru

Books Review: Scott T. Allison (ed.), *Heroes and Villains of the Millennial Generation* (Richmond: Palsgrove, 2018); Olivia Efthimiou, Scott T. Allison, Zeno E. Franco (eds.), *Heroism and Wellbeing in the 21st Century: Applied and Emerging Perspectives* (London: Routledge, 2018).

22. См., например: Банфи А. (1989). *Философия искусства* / Пер. с итал. Г. П. Смирнова. М.: Искусство.

23. См., например: Дмитриев А. Н. (1997). Опыт сотрудничества П. Лазарсфельда и Т. Адорно в исследовании массовой коммуникации // *Социологический журнал*. № 3. С. 151–158.

24. Хейзинга Й. (2004). *Героизм* // *Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня*. М.: АСТ.